

УДК 31.314.9 ББК 60.54

Воронов Виктор Васильевич –
д-р социол. наук, профессор,
Институт социологии Федерального
научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Москва;
Даугавпилсский Университет, Латвия
e-mail: viktor.voronov@du.lv

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭТНИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ И СЦЕНАРИЕВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДИАСПОР И ЗЕМЛЯЧЕСТВ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ В РЕГИОНАХ¹

Ключевые слова: диаспоры, землячества, регион, этноэкономические модели

Наиболее полно познавательные возможности социального моделирования проявляются при рассмотрении его как метода системного исследования. Если мы будем рассматривать межэтнические отношения в России или в других странах с системных позиций, то этнические модели взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением в обследуемых регионах имеют в своей основе экономические особенности той или иной хозяйственной практики региональных акторов. Например, наиболее известны в странах ЕС этномодель «мультикультурализма», а в США – «плавильного котла». Первая полностью провалилась в Европе, вторая проваливается в Америке [Фурсов, 2017].

В России за непростыми отношениями между новыми диаспорно/земляческими сообществами и местным населением в регионах стоит конфликт между отдельно сохраняющимися традиционными общинно-трудовыми отношениями и современным российским обществом в условиях рынка, находящимся в состоянии устойчивого распада прежних форм организации жизни. Рассматривая российскую социально-экономическую и социокультурную ситуации можно выделить основы этноэкономических нелинейных моделей взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением, опираясь на следующие критерии: цели экономического участия в этом взаимодействии и форма такого участия (легитимное или девиантное экономическое поведение представителей диаспор и землячеств). На основании указанных критериев можно выделить модели: рационально и иррационально рыночные, а также нерыночную трудовую. Назовем их «умеренно-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00093.

либеральная» и «монополизации шансов» модели, а также «консервативно-мобилизационная».

В структуру *умеренно-либеральной этноэкономической модели* входит: приоритет частного бизнеса в хозяйственной деятельности любого уровня, для которого государство лишь создает условия для работы; селективная минимизация затрат на наёмную рабочую силу; свободное перемещение наёмной рабочей силы с учетом общих правовых норм; представители этнических групп в своей социально-экономической деятельности индивидуально минимизируют издержки и максимизируют выгоды.

В структуру *этноэкономической модели монополизации шансов* входит: этнические группы с теневой кадровой иерархией, сетью региональных посредников; устойчивые практики взаимодействия работников как представителей разных этнических групп и их работодателей; наличие отработанного механизма получения и распределения доходов от монополистической деятельности определённой этнической группы в регионе; наличие структур силового прикрытия коммерческой деятельности представителей этнических групп и санкций к нарушителям; покровительство на возмездной основе представителей этнических групп в местных органах власти и деловых кругах региона [Дмитриев, Жуков, Пядухов, 2009: 234–235].

В структуру *консервативно-мобилизационной этноэкономической модели* входит: согласование интересов (от общих к частным) субъектов хозяйственной деятельности в стране и регионах; системное развитие всех секторов экономики; выравнивание социально-экономических условий развития регионов для роста качества жизни всех их жителей; реализация принципа социальной справедливости, обеспечение порядка и равенства всех перед законом; дифференцированная поддержка диаспор и землячеств в регионах в интересах устойчивого развития последних.

Теоретические и практические исследования, проведённые по проекту Российского научного фонда в Тюменской и Нижегородской областях, а также в Краснодарском крае показали, что устойчивое неконфликтное взаимодействие диаспор и землячеств с местным населением в обследуемых регионах происходит в условиях, когда большинство местного населения представлено славянским народом одной культуры и истории: русскими, украинцами, белорусами и комплиментарными к нему народами: адыгами, армянами, башкирами, казахами, татарами и другими. Такое взаимодействие предполагает два взаимосвязанных элемента: социокультурные отношения, характерные для традиционного трудового общества и социально-экономические отношения, характерные для рыночной многоукладной экономики.

В настоящее время заметное распространение в регионах, во взаимоотношениях местного населения с представителями диаспорно-земляческих сообществ получает этничность как инструмент в двух аспектах: социокультурном инструментализме (внимание к мобилизации этнических

и конфессиональных чувств того или иного народа) и экономическом инструментализме (внимание к разным формам адаптации в хозяйственной деятельности и на рынке труда членов различных этнических групп). Этническая группа рассматривается здесь как группа людей общей идентичности, общей истории и культурной традиции, общего языка, и которая осознает этнокультурные различия между своим сообществом (диаспора или землячество) и местным сообществом.

Этнохозяйственный тип экономической деятельности различается у разных народов России и обусловлен как конфессиональным влиянием на социально-экономические и социокультурные установки, так и природно-климатическими условиями жизнедеятельности. В этой связи можно различать производственно-государственный тип этнохозяйственной деятельности русского народа как взаимосвязанную реализацию промышленного и сельского труда из-за минимального объема совокупного прибавочного продукта, обусловленного природно-климатическими условиями и значительными транспортными издержками при реализации товаров. Торгово-посреднический и земледельческий тип этнохозяйственной деятельности народов Средней Азии (казахов, киргизов, таджиков, узбеков). Торгово-посреднический и сельско-животноводческий тип этнохозяйственной деятельности народов Северного Кавказа (дагестанцев, ингушей, осетин, кабардинцев, чеченцев). Этноэлиты на постсоветском пространстве свои привилегии, престиж и власть реализуют, в основном, не в сфере производственных ресурсов, а в сфере перераспределительных ресурсов. Поэтому функционирование государственного управления (подбор и ротация кадров) в регионах, где сильны позиции этноэлит, осуществляется по этническому, а не по профессиональному основанию, что снижает квалификацию выполняемых ими функций и нейтрализует попытки модернизации госаппарата, органов правопорядка и социальной сферы в общегосударственных интересах.

Рыночные преобразования на постсоветском пространстве привели к обесцениванию деятельности в реальном (особенно индустриальном) секторе экономики и резко сузили структурные возможности рынка труда. Это наиболее негативно отразилось на русском народе. Индустриальный сектор на постсоветском пространстве сжимается за счет расширения сферы торговли и услуг. При этом, например, в отдельных регионах, где русские в меньшинстве, практически исчезла обрабатывающая промышленность, где были заняты квалифицированные рабочие и инженерные кадры, в основном, русские работники. Экономика там свелась к трём-четырёх составляющим: 1) сельское хозяйство с производством для переработки его продукции, 2) транспортный, 3) топливно-энергетический, 4) рекреационно-туристический комплексы [Денисова, Уланов, 2003:173-175; Петросянц, 2005:111].

Поэтому на первое место в условиях рынка выдвигаются, преимущественно, не социальные качества человека (трудовая активность, цели

жизни и т.д.), а этнические (конфигурация национального характера, обычаи, традиции и т.д.). С одной стороны, это можно приветствовать как возможность обращения того или иного народа к своим историческим корням, которые нивелируются в современных условиях глобализации. С другой стороны, этнические качества одним народам помогают выживать при рынке, а другие народы (особенно русских) обрекают на пассивную адаптацию или деградацию.

У российского государства исторически сформирована очень развитая хозяйственно-экономическая функция, ведь «государственная машина» была вынуждена форсировать объективный процесс углубления общественного разделения труда в крестьянской стране. Отсюда необычайная активность государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства»: дороги, каналы, города-крепости обширного приграничья, возведения заводов, фабрик, верфей, портовых сооружений и обеспечение всего этого рабочей силой, профессиональными кадрами. В пространственных и природно-климатических условиях большинства регионов России функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли ее государственного сектора, элиминировавшего безжалостные механизмы стоимостных отношений, было невозможно на всем протяжении российской истории [Милов, 2008: 151].

Можно выделить четыре сценария на среднесрочный период (2015–2020 гг.) взаимоотношений новых диаспорных и земляческих групп с местным населением в обследуемых регионах и не только: позитивный, умеренно-позитивный, негативный, умеренно-негативный.

Позитивный сценарий интеграционной идентификационной стратегии региональных этнических групп по консолидации и пространственному развитию регионального социума включает такие характеристики: равные права и обязанности всех этнических групп региона; равный доступ к получению материальных и нематериальных благ; трудовая деятельность всех этнических групп в соответствии со способностями и квалификацией их представителей, исключая внеэкономические факторы. Такой сценарий имеет локальные случаи.

Умеренно-позитивный сценарий выражается в том, что интеграционные идентификационные стратегии региональных этнических групп присущи, в основном, старожильческим диаспорам и землячествам, а не представителям этнических групп внешней и внутренней миграции после 1991 года. Последние наиболее успешно интегрированы в экономическую сферу, но гораздо слабее включены в социокультурную сферу регионального и местного сообщества. По оценке экспертов, их интегрированность в региональную и местную экономическую среду составляет в среднем 3 балла из 5, а включенность в социокультурную среду регионального и местного сообщества составляет от 1,8 до 2,4 баллов из 5. Такой сценарий, по мнению экспертов, значимо представлен в обследуемых регионах.

Негативный сценарий выражается в том, что преобладающие обособленческие идентификационные стратегии разных этнических групп способствуют повышению конфликтности в региональном социуме. Его характеристиками являются: отсутствие государственной политики и управления межнациональными отношения на основе стратегических геополитических интересов развития государства; нарастание отчуждения полиэтнического, но мононационального народа от власти и власти от народа; деиндустриализация экономики, ведущая к её архаизации и преобладанию сферы обращения над сферой производства, что сужает возможности трудоустройства на локальных рынках труда экономически активного населения в соответствии с квалификацией и способностями; воспроизводится в значительных масштабах теневая экономика и теневой рынок, где заметная её часть «окрашена» внеэкономическим фактором – клановой этничностью.

Умеренно-негативный сценарий выражается в том, что преобладающие (адаптационные и обособленческие) идентификационные стратегии разных этнических групп способствуют затяжному кризису в межнациональных отношениях в региональном социуме. Здесь основными характеристиками выступают: продолжающийся процесс деградации реального сектора экономики (обрабатывающей промышленности и крупного коллективного с использованием современных производственных и перерабатывающих технологий сельского хозяйства); отток экономически активного населения из деревень, сёл, малых городов в мегаполисы и областные центры, ведущий к демографической катастрофе государствообразующего народа; деградация русского социокультурного типа в межэтнических отношениях в отдельных регионах посредством замещения общероссийских социокультурных маркеров на национальные: улиц, памятников, топографических названий, общих праздников.

В настоящее время, в обследуемых регионах, где преобладает русское этническое большинство, реализуется, в целом, умеренно-негативный сценарий взаимоотношений новых диаспорных и земляческих групп с местным населением. Для устойчивого же развития нужна консервативно-мобилизационная этноэкономическая модель взаимоотношений диаспорных и земляческих групп с местным населением.

В заключение можно утверждать, что устойчивые межэтнические отношения при взаимодействии диаспор и землячеств с местным населением («позитивный сценарий»), способствующие интеграции полиэтнического населения возможны лишь при реализации консервативно-мобилизационной этноэкономической модели этих отношений. Существующая система способна воспроизводить лишь умеренно-либеральную и монополизацию шансов этноэкономические модели, которые дают простор умеренно-негативному и негативному сценариям развития межэтнических отношений диаспор и землячеств с местным населением. На это указывают разные неудачные

попытки в рыночных условиях решать этнические проблемы на теоретическом уровне (создавая социально-политическую «российскую нацию») и на практическом (разработка правительством федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации», согласно которой к 2020 году доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, составит 65 процентов а уровень толерантного отношения к представителям другой национальности составит 85 процентов, что весьма далеко от нынешних конфликтогенных реалий). Вместе с тем, есть надежда на появление необходимых социально-экономических факторов и возможностей пространственной и межэтнической консолидации России, которая связана с понятийным аппаратом и причинно-следственными связями восьми направлений экономической безопасности страны, рассматриваемых в указе президента РФ от 13 мая 2017 г. «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Такая стратегия нужна для перехода экономики к мобилизационной модели развития, в которой основным фактором выступает «общее дело», понимаемое в смысле социальных технологий продуктивной кооперативной деятельности, которые выработала российская цивилизация за века своей истории. Социально-экономические и социокультурные коды русского народа (самодостаточность, мастеровитость, коллективизм, радушие, уживчивость, доброта) способны формировать и воспроизводить устойчивые межэтнические и межконфессиональные отношения на принципах социальной справедливости и обеспечения равенства всех перед законом. В основе гармоничных межэтнических отношений в стране и регионах может быть лишь формирование общей российской идентичности как единства многообразий этнических идентичностей народов России на цивилизационной базе русской нации: русского социокультурного типа.

Список литературы:

1. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов-на-Дону, 2003. – 352 с.
2. Дмитриев А.В., Жуков В.И., Пядухов Г.А. Миграция: конфликт, безопасность, сотрудничество. – М.: Изд-во РГСУ, 2009. – 318 с.
3. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 2008. – С.151.
4. Петросянц В.З. Экономическая политика депрессивного региона: проблемы формирования и реализации. – М.: Наука, 2005. – С.111.
5. Тхакахов В.Х. Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе.// СоцИС, 2017. № 4. – С. 17–25.
6. Фурсов Андрей: Глупость или измена? [Электронный ресурс]. URL: newsland.com/community/5134/content/andrei-fursov-glupost-ili-izmena/5722571 (доступно: 10. 03. 2017).